

Е. В. Генералова

СОСТАВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

Статья посвящена составным наименованиям в русском языке XVI–XVII вв. Обсуждается лингвистический статус составных наименований и вопрос их включения во фразеологический корпус языка, предлагаются критерии выделения составных наименований в истории русского языка с учетом особенностей их функционирования в памятниках делового и народно-разговорного языка, демонстрируется значимость анализа составных наименований в культурологическом аспекте, на материале разных исторических словарей рассматриваются проблемы лексикографической интерпретации таких сочетаний. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: составные наименования, коллокация, русский обиходный и деловой язык XVI–XVII вв., историческая лексикография.

COMPOUND NOMINATIONS IN THE HISTORY OF RUSSIAN LANGUAGE

E. V. Generalova

St. Petersburg State University 199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9

The article deals with the compound nominations in Russian language of the 16–17th century. The author discusses the linguistic status of the compound nominations and the question of their inclusion in the phraseological corpus of the language, suggests the criteria of extraction of the compound nominations in the history of Russian language taking into account the specific features of their functioning in the texts of business and every-day language, shows the importance of analysis of the compound nominations in culturological aspect, describes the problems of lexicographical presentation of these collocations in historical dictionaries. Refs 19.

Keywords: compound nominations, collocation, Russian business and every-day language of the 16–17th century, historical lexicography.

Составные наименования — особая группа словосочетаний, статус которой в языке современной лингвистикой окончательно не определен. Нет и однозначной дефиниции таких сочетаний. Основные отличительные признаки составных наименований — это их нетождественность слову в структурном отношении (состоят из двух или более слов, т. е. являются словосочетаниями) и семантическая общность (обозначают одно понятие).

Многие исследователи не признают составные наименования фразеологизмами с учетом их исключительно номинативной функции и отсутствия образно-эмоционального компонента. Строго говоря, вопрос об экспрессивности и образности составных наименований сложен: номинативная функция не исключает наличие образа, положенного в основу при создании сочетания (особенно хорошо это видно на историческом материале: см., напр., *дикое мясо* 'нарост на долго не заживающих ранах', *дорогое камень* 'драгоценные камни').

Неоднозначно и понятие устойчивости внешнего облика составных наименований. Отдельные составные наименования, действительно, являются застывшими в своей структуре и уникальными образованиями (напр., *галка мушкатная* (*мушкатовая*) 'мускатный орех', *змиев глаз* 'нарыв, гнойное воспаление'), но большинство таких образований в языке составляют целые ряды сочетаний (иногда конечные,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00423а).

а иногда открытые, с потенциально неограниченным количеством членов, см., напр.: *болезнь зубная, головная, животная, сердечная, камчюжная, месячная, студеная, похмельная, падучая, черная, желтая, фрянчужная...*). Можно ли в таких случаях говорить о конкретных составных наименованиях или об ограниченной взаимной сочетаемости ряда лексем — вопрос открытый, который по-разному решается и различными историческими словарями.

Фактически, составные наименования представляют собой коллокации, т. е. сочетания двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости. При множестве дефиниций коллокации и определенных различиях в понимании этого явления в русской¹ и зарубежной научной литературе большинство отечественных лингвистов сходятся в том, что в основе коллокаций лежит семантико-грамматическая обусловленность элементов словосочетания [2; 3]. Признаками коллокации являются воспроизводимость и регулярность, семантическая взаимообусловленность компонентов, относительная свобода их сочетания и широкая распространенность в языке. Истолкование составных наименований как коллокаций объясняет их промежуточное положение между свободными словосочетаниями и фразеологизмами: «коллокации выходят за пределы исследования “чистой фразеологии”»; зачастую их целостность как единой номинации оказывается более значимым признаком, а под устойчивостью понимается скорее степень неслучайности совместной встречаемости слов» [4].

Очевидна близость составных наименований и терминологической лексики. Но в ряде случаев непросто провести границу между терминологической лексикой и названиями конкретно-бытовых предметов. Г. В. Судаков подчеркивает, что если термины выступают как специальные названия для определенных понятий науки, техники, производства, общественно-экономической жизни и т. п., то главная отличительная черта названий конкретно-бытовых предметов — это общепонятность и широкая употребительность. «Иногда бытовую лексику сближают с народной терминологией, т. е. терминами различных ремесел и отдельных видов производственной деятельности сельского населения <...> Однако можно говорить об известной терминологичности лишь отдельных групп предметно-бытовой лексики, в целом же она в отличие от терминов является принадлежностью речи всего коллектива, т. е. каждого человека, а не профессионально ограниченной группы лиц, относится постоянно к сфере быта, характеризуется наличием синонимов, многозначностью и диффузией семантики, жанрово-стилевым расслоением» [5, с. 94]. В диахронии установление момента как фразеологизации, так и терминологизации представляет определенные затруднения.

В количественном отношении составные наименования представляют собой обширный лексический пласт, значительную часть устойчивых сочетаний, выделяемых как на современном языковом материале, так и в истории русского языка.

В настоящей работе составные наименования в истории языка рассматриваются прежде всего на материале «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» [СОРЯ], пять выпусков которого вышли под редакцией О. С. Мжельской, и картотеки этого словаря, представляющей словарный состав группы дело-

¹ Играющий важную роль в современной корпусной лингвистике и теории сочетаемости и широко использующийся в западной лексикографии термин «коллокация» появился в отечественной науке впервые в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой [1, с. 199].

вых памятников и памятников, созданных на народно-разговорной основе; привлекаются также данные других исторических словарей и картотек.

Выделение самого корпуса составных наименований на историческом материале, как уже было сказано, достаточно затруднительно в связи с неопределенностью лингвистического статуса таких сочетаний.

Группа составных наименований в языке XVI–XVII вв. может быть представлена в виде ядерно-периферийной структуры с учетом критерия большей или меньшей «номинативности», «номенклатурности» — типичности использования таких наименований строго с номинативной функцией.

В ядро группы составных наименований войдут устойчивые номенклатурные сочетания — фактически составные термины, обилие которых в ряде памятников XVI–XVII вв. (наряду в целом со значительным количеством терминологической лексики) объяснимо экстралингвистическими причинами. В русском языке преднационального периода, безусловно, существенно возрастает роль специальной терминологии и удельный вес терминологической лексики, что связано с формированием в период позднего Средневековья ряда терминологических систем, складывающихся с развитием хозяйства и промышленности, формированием общественной и юридической систем централизованного государства, сложением устойчивой системы языка делопроизводства Московской Руси. Таким образом, ядро группы составных наименований образуют составные термины с четко закрепленным составом и значением:

- термины промыслов и складывающегося производства: металлургии (*белое железо* ‘жесть’, *дульная печь* ‘горн, устройство для вдувания воздуха при ковке металла’), солеварения (*жаравец трубный* ‘приспособление для поднятия жидкости из рассолоподъемной трубы’), швейного промысла (*игла шитья* ‘иголка для сшивания частей швейного изделия’, *болван шапочный* ‘деревянная с круглым верхом форма для изготовления и хранения головных уборов’), пчеловодства (*борть убитая* ‘борть, из которой выгнали пчел’) и т. п.;
- строительная терминология (*гвоздь тесовый* ‘кровельный гвоздь’, *келейные бревна* ‘брёвна для верхнего венца сруба’), включающая и обозначение построек и их частей (*горница мастерская* ‘помещение производственного назначения’, *глухой подклет* ‘нижний этаж жилой постройки, не имеющий оконных, а иногда и дверных проемов, предназначенный для содержания скотины или хранения чего-л.’);
- военная терминология (*верхний бой* ‘ярус городских стен и башен, где находилось огнестрельное оружие’), включающая названия видов оружия (*гранатная пицаль* ‘артиллерийское орудие для стрельбы разрывными снарядами’);
- социально-общественная терминология, а именно названия должностей (*осадный (-ая) голова* ‘начальник отряда в городе или крепости, отвечающий за готовность к возможной осаде’, *ближний боярин* ‘особо доверенное лицо царя, имевшее право доступа во внутренние царские покои’), в том числе военных званий (*генеральный полевой маршалок* ‘фельдмаршал’, *большой воевода* ‘командующий войском, отрядом кораблей’), названия официальных учреждений (*Приказ Большой казны* ‘Правительственное учреждение в России XVII в., ведавшее государственной промышленностью и сбором госу-

дарственных доходов', *губная изба* 'орган уездного самоуправления в Московском государстве XVI–XVII вв., выполнявший судебные и правоохранительные функции'), обозначения категорий зависимости (*бобыль* (человек) *задворный* 'безземельный крестьянин, не имеющий своего надела земли, живущий на чужом дворе и занятый в хозяйстве землевладельца', *житьи люди* 'лица, относящиеся к городским зажиточным сословиям, а также несущие службу при дворе князя или в уездных городах') и др.;

- юридическая терминология: названия документов (*звивная грамота* 'письменный вызов с предложением ответчику явиться в суд', *доправная память* 'документ о взыскании денег или имущества'), налогов и сборов (*правый десяток* 'вид пошлыны, взимаемый за судебное разбирательство', *ямчужные деньги* 'пошлина за изготовление селитры'), ряд терминов права и судопроизводства (*изветное дело* 'донос', *головная татьба* 'убийство');
- названия единиц различных метрологических систем (*прямая сажень* 'мера длины, колебалась от 142 до 152 см', *бочонок ведерный* 'мера объема жидких и сыпучих тел');
- названия растений (*воробьев щавель* 'растение семейства гречишных', *девятильник белый* 'лечебное травянистое растение семейства сложноцветных') и животных (*черный дрозд* 'певчая птица отряда воробьиных с черным оперением и ярко-желтым клювом', *глухой тетерев* 'глухарь').

Отдельно следует сказать о составных наименованиях — названиях церковных праздников (*Госпожино заговейно* 'канун Успенского поста', *Петров день* 'день христианского праздника в честь святых Петра и Павла 29 июня/12 июля', *Вербное воскресенье* 'православный церковный праздник — воскресенье за неделю до Пасхи, — знаменующий вход Иисуса Христа в Иерусалим'), которые в деловом и обиходном языке использовались для обозначения дат и точных сроков.

Ядерной группе близка основная масса составных наименований. Это преимущественно обозначения конкретных реалий (на их базе в ряде случаев могут образовываться и термины). Среди таких обозначений выделяются следующие значительные тематические группы:

- названия продуктов питания (*вялый сыр* 'вылежавшийся творог', *густое молоко* 'простокваша', *густое яйцо* 'яйцо, сваренное вкрутую');
- названия предметов и деталей предметов одежды (*шапка горлатная* 'мужской головной убор в виде цилиндра из горлышек куницы или черно-бурой лисы с бархатным или парчовым верхом', *смирное платье* 'траурная одежда');
- названия реалий церковного быта (*деисус сидячий* 'центральная икона (или группа икон) во втором ряду иконостаса, на которой(-ых) Иисус Христос со стоящими по обе стороны Богородицей и Иоанном Крестителем изображены в сидячем положении', *заздравный корм* 'монастырская трапеза, угощение') и церковной утвари (*блюдо дискосное* 'священное блюдо на подставке с изображением младенца Иисуса Христа, на которое во время литургии помещают части просфор');
- названия болезней (*грыжная скорбь* 'мягкая опухоль, выступающая на поверхности тела, обычно в области живота', *моровая болячка* 'чумная язва');
- названия домашней утвари (*судки столовые* 'набор малых сосудов для специй и пряностей');

- лексика, связанная с охотой (*гончая собака* ‘охотничья собака, приученная преследовать зверя’, *борзой пес (выжлец)* ‘охотничья собака, способная быстро бегать’);
- обозначения неодушевленных природных объектов и явлений (*мир вселенный* ‘Вселенная; земля со всем, что на ней находится’, *заливной дождь* ‘ливень’, *громовая стрела* ‘удар молнии’) — группа, тяготеющая к периферии.

Особую группу среди составных наименований образуют топонимические и от-топонимические наименования, а именно:

а) названия географических объектов:

- стран (*Гишпанская земля* ‘Испания’, *Гундустанская земля* ‘Индия’, *Датский край* ‘Дания’, *Московское царство* ‘Московская Русь’, *Китайское государство* ‘Китай’),
- городов (*Еренский город* ‘современный город Яренск’, *Брянский город* ‘Брянск’),
- областей (*Боровский уезд, Галицкий уезд, Варзужская волость*),
- составные топонимы, несводимые к однословному синониму (*Великий Новгород, Малая Вишера, Долгий берег*);

б) названия жителей какой-л. местности (*англинские немцы* ‘англичане’, *голландские немцы* ‘голландцы’, *свейские люди* ‘шведы’).

На периферии группы составных наименований находятся отдельные составные названия предметов и явлений, не входящие в четко организованные гипонимические ряды и системы и зачастую представляющие собой уникальные номинации (напр., *стольный город* ‘столица’, *полая вода* ‘весенний разлив водоемов; половодье’), а также характерные для языковой системы преднационального периода устойчивые сочетания усилительного характера (т. е. обладающие определенной экспрессией, напр.: *законный брак, мужняя жена*). На периферии находятся и прозвища, представляющие собой устойчивые сочетания, напр.: [*Васка*] *Малые глазки*.

С учетом отсутствия главенства номинативной функции составными наименованиями не могут быть признаны этикетные устойчивые сочетания (*добрый день* ‘формула приветствия, использующаяся в дневное время’, *братственная дружба* в формуле, обозначающей ‘мирные, дружественные отношения между монархами’), в том числе этикетные обращения (*милый друг*), средства деловой письменности (*горький сирота, бедная вдова*), экспрессивные (обычно бранные) устойчивые сочетания (*шишимора деревенская, глухой черт, блядины дети*). По этой же причине едва ли составными наименованиями единственно с номинативной функцией могут быть признаны устойчивые сочетания, характерные для языка фольклора (*белы руки, добрый молодец, чудо чудное, диво дивное*), а также экспрессивные сочетания с яркой образностью (*легкая (скорая и горячая) денежка* ‘быстрый доход без труда’, *черные дни* ‘трудная, полная невзгод пора’, *голова на кряжу* ‘о том, кто находится в добром здравии’) и перифразы (*смертные врата* ‘конец земной жизни’, *высочайшая десница* ‘о Боге’).

Особенностью языка памятников делового и обиходного содержания XVI–XVII вв. являются расчлененно-описательные (плеонастические) наименования. Такие сочетания могут быть заменены однословным синонимом, однокоренным с одним из компонентов и включающим в себя, таким образом, семантику второго компонента (т. е. с семантической точки зрения второй компонент можно рассматривать

как избыточный). Однословный синоним является, как правило, однокоренным с несвободным компонентом (в ряде случаев синонимом выступает субстантивированное прилагательное), т. е. именно компонент, указывающий на дифференциальный признак, несет основную смысловую нагрузку: см. *середной день* — *среда*, *блюдо дисковое* — *дискос*; субстантиваты: *мир вселенный* — *вселенная*, *стремянной конюх* — *стремянной*, *духовная грамота* — *духовная*. Реже однословный синоним возникает на основе свободного компонента, напр. у сочетаний прилагательное + существительное с опущением прилагательного (*водяной ключ* — *ключ*, *земляной вал* — *вал*) или путем суффиксации (*завязочный мастер* — *завязочник*). В некоторых случаях на базе составного наименования образуется сложное слово с использованием корней обоих компонентов: *полая вода* — *половодье*.

Большое количество расчлененно-описательных наименований среди обозначений жителей какой-либо местности (см. наличие в языке XVI–XVII вв. параллельных образований *англичане* (*англичене*) — *английские немцы* — *английские люди*) обусловлено предпочтением именно таких наименований в качестве официальных. При разнообразии средств указания на связь человека с определенной местностью (в предисловии к «Словарю прилагательных от географических названий» Е. А. Левашов выделяет четыре основных таких способа [6, с. 6]) в памятниках XVI–XVII вв. ведущая роль принадлежит именно конструкциям с оттопонимическими прилагательными (*елецкий стрелец*, *московский пушкарь*, *гессенские люди* и т. п.) (см. подробнее: [7]). Наличие большого количества расчлененных наименований среди топонимов связано с особенностью русского топонимического типа и его вариативностью. Так, И. С. Просвирнина приходит к выводу, что составные топонимы образуют крупный пласт русской топонимии (более 30%) и подчеркивает, что вариативность топонимов обусловлена самой системой русского языка (и в первую очередь отсутствием топоформантов), а следовательно, разнообразным набором структурных средств топонимации; многообразие топонимических типов и сохранение составных наименований наряду с однословными приводит к тому, что в реальности их больше, чем на карте [8].

Важной особенностью функционирования составных наименований в русском языке XVI–XVII вв. является развитая вариативность среди них. В идеальном языковом состоянии синонимия и вариативность не характерны как для терминов, так и для номенклатурных наименований, однако язык преднационального периода отличает неустоявшаяся избыточная лексическая система, осложненная очень широкой (в первую очередь словообразовательной) вариативностью. Именно эта избыточность системы — причина вариативности и среди составных наименований. Имеет место вариативность словообразовательная (*двери северские* (*северные*) ‘ворота, находящиеся слева от царских врат’), словообразовательно-грамматическая (*дикий камень* — *камень дичень* ‘твердая горная порода’), лексическая (*скотинный* (*животинный*) *дворец* ‘хозяйственная постройка в усадьбе или близ нее для содержания скота, хранения кормов для животных и т. п.’, *Датская земля* (*Датский край*) ‘Дания’, *город порубежный* (*украинный*, *польский*, *польный*) ‘город, находящийся на границе России’).

Основной функцией составных наименований является номинативная, и в истории языка по строению все составные наименования представляют собой именные устойчивые сочетания (в роли составных наименований в узком смысле не

выступают глагольные (*скитаться меж двор* ‘бродяжничать’), наречные (*третьего дня* ‘позавчера’), признаковые (*доброй руки* ‘хорошего качества, изготовленный мастером’) и имеющие семантику вводных слов (*страшное дело, знамое дело* и т. п.) устойчивые сочетания). Стержневым словом всегда выступает имя существительное, в подавляющем большинстве случаев определяемое прилагательным, реже — имеющее приложение (*коса горбуша, крашенина забурка, кожа дублень*), т. е. доминируют атрибутивно-субстантивные сочетания. Большинство составных наименований — двучленные, в ряде случаев допускается большее количество компонентов (*московское (за)орленое ведро, Приказ Большого Дворца*).

Большинство прилагательных, входящих в составные наименования, — относительные, большинство существительных — нарицательные, конкретные, так как в массе своей составные наименования являются названиями конкретных предметов с указанием их дифференциальных признаков. В качестве этих признаков чаще всего указывается материал, из которого сделана реалия (*брусничная вода* ‘напиток, приготовленный из ягод брусники’, *хлопчатая бумага* ‘волокно хлопчатника; вата’, *деревянное масло* ‘оливковое масло низкого качества, используемое в лампадах’), отличительные внешние признаки реалии (*косой ворот* ‘стоячий воротник, застегивающийся сбоку’, *рытый бархат* ‘пушистый бархат с вытисненным узором’), функциональное назначение реалии (*данная грамота* ‘документ, фиксирующий передачу какого-л. имущества в чью-л. собственность’, *проварные деньги* ‘пошлина, взимаемая за пользование котлом для варки пива’). Г. В. Судаков подчеркивает, что вид и функция были определяющими признаками при назывании предметно-бытовых реалий [5, с. 93–95]. Реже имеет место указание на источник происхождения реалии (*мирские деньги* ‘денежные средства общины, мира’), место расположения, локализацию реалии (*задний двор* ‘находящийся позади дома огороженный участок земли с жилыми и хозяйственными постройками’), место происхождения реалии (*индейское дерево* ‘сандал’, *курица (курка) гречанка* ‘название породы кур’), особенности образа действия (*затейное воровство* ‘ложное обвинение, поклеп’) и др.

Составных наименований, включающих качественные прилагательные, существенно меньше (см. *длинная десятина, скорый гонец, глухой тетерев, горячее вино*). Чаще всего из качественных прилагательных используются прилагательные размерности: *гвоздь большой (малый, мелкий), большой воевода*. Притяжательные прилагательные используются, как правило, в составных наименованиях — названиях категорий зависимых людей, где дифференцирующим признаком является указание на то, в чьей собственности находятся эти зависимые люди (*боярские дети, государев (митрополич, монастырский) бобыль*), и в составных наименованиях — названиях церковных праздников, функционирующих в деловом и обиходном языке как обозначения точных дат (*Георгиев день, Ильин день*) — в этих сочетаниях притяжательные по происхождению прилагательные меняют свой разряд, становясь относительными и реализуя семантику ‘названный в честь...’.

Исследование составных наименований в истории языка перспективно в культурологическом аспекте. Являясь названиями конкретных предметов и явлений, составные наименования представляют собой предметный код культуры, поскольку дают информацию о материальном мире, материальной культуре ушедших времен, напр.: *сусальное (листовое) золото* ‘тончайшие листки золота, предназначенные для золочения чего-л.’, *боярский мед* ‘один из лучших сортов питьевого меда, при-

готовляемый из чистого пчелиного меда без патоки'. Ряд составных наименований отражает технологии, уже не использующиеся или представляющиеся устаревшими в современном производстве: *двойное золото* (*золото двойник*) 'скованные вместе тончайшие листки золота и серебра', *прямые сапоги* 'обувь, сшитая по одной колодке, без различения правой и левой ноги', *кричное железо* 'железо, получаемое особым способом в результате обработки давлением крицы (комьев из восстановленного железа и шлаков)'. Составные наименования исторических явлений и объектов дают важную информацию о политической и экономической истории России, напр.: *гостинная сотня* 'до 1720 г. — вторая по значению после объединения зарубежных купцов купеческая корпорация', *гулящие люди* 'разряд вольных людей, не приписанных к посадским, служилым или крестьянам; кормящийся отхожими промыслами'. Изучение составных наименований — названий грамот принципиально для понимания системы документов Московской Руси, изучение составных наименований — названий зависимых людей — для уяснения существовавшей социально-имущественной организации и т. д.

Анализ семантики слов, определяющих существительные в составных наименованиях, позволяет восстановить не только утраченные реалии, но и сам тип древнего взгляда на мир, поскольку дает информацию о дифференциальных, значимых для древнего человека признаках, использующихся при назывании той или иной реалии. Так, например, анализ составных наименований со стержневым словом *дьяк* в значении 'чиновник, исполняющий функции секретаря какого-л. учреждения; письмоводитель' показал, что составные наименования образовывались с определениями, указывающими на название чиновника в зависимости от исполняемой функции (*денежный дьяк*, *запасный дьяк*), места учреждения, в котором он служил письмоводителем (*дворцовый дьяк*, *таможный дьяк*, *думный дьяк*, *печатный дьяк*, *посольский дьяк* и др.), его подчиненности вышестоящим лицам (*архимандричий дьяк*, *митрополичий дьяк* и др.).

Таким образом, как важная часть материальной и духовной культуры составные номинации в диахронии должны быть предметом лингвистического и культурологического изучения и находить соответствующее место в исторических словарях.

Вопрос представления составных наименований в историческом словаре не имеет на настоящий момент однозначного решения. С учетом близости составных наименований терминологической лексике плодотворной является идея их описания в специальных (терминологических) исторических словарях — как общих, так и дифференциальных. Долгое время единственным терминологическим историческим словарем были «Материалы для терминологического словаря Древней Руси» [9]. В этом словаре составные наименования (например, *куны городские*) описываются наряду с однословными терминами. Удачным начинанием было издание «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» (далее — Сл. Промысл.) [10], описывающего промысловую и ремесленную лексику старорусских памятников, созданных на территории Северной Руси. Ряд специальных терминологических исторических словарей описывает терминологическую лексику отдельных областей, включая, таким образом, и составные наименования соответствующей тематики: «Толковый словарь древнерусских юридических терминов. От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства» [11], «Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII в.» [12], «Технический

словарь тульских оружейников XVII–XVIII вв.» [13]. Поскольку исторические словари общего типа при описании языка определенного периода или группы памятников стремятся к тезаурусному включению лексики, вопрос о том, являются ли составные наименования предметом описания, обычно не встает (в отличие от такого вопроса при составлении толковых словарей современного языка), т. е. включение составных наименований в корпус исторического словаря сомнению не подлежит.

Однако практическое их лексикографическое описание вызывает ряд вопросов. Первый из них касается места составных наименований — в какой словарной статье должны быть описаны такие сочетания: на главный (свободный) компонент, т. е. существительное, или на несвободный. С точки зрения общей лексикологии (главный компонент является стержневым, собственно контекстообразующим) и лексикографической системности (часто составные наименования, как было показано, составляют гипонимические ряды) закономерно и логично представление таких сочетаний в статье на существительное (при этом в словарной статье на прилагательное помещается отсылка на основное место толкования сочетания). Именно так составные наименования описываются в большинстве исторических словарей. Но основную смысловую нагрузку в связи с описанием им дифференциального признака обычно несет несвободный компонент, и представление составного наименования в статье на прилагательное в случае атрибутивно-субстантивной конструкции дает возможность понять ход семантической эволюции в этом слове и основание номинации, кроме того, может быть оправдано по техническим соображениям в многотомных изданиях, когда несвободный компонент оказывается по алфавиту предшествующим существительному в еще не вышедших выпусках. Абсолютизацию этого подхода можно видеть в Сл. Промысл., вообще не толкующем прилагательные: статьи на прилагательные включают только отсылки к соответствующим составным наименованиям, описанным в статьях на существительное, напр.: ВОЛОКОВОЙ: зубъ волоковой. См. зубъ; Окно волоковое. См. окно; Тиски волоковые. См. тиски [10, вып. 1, с. 25].

В СОРЯ [14] в связи с установкой на максимальный показ материала и его детальную семантическую характеристику было принято решение о комбинации разных подходов в показе составных наименований в корпусе словаря. Эти сочетания по возможности собраны в статье на свободный компонент (существительное) для показа системности их образования, однако далеко не всегда толкуются в этой статье. Толкование на своем алфавитном месте получает и там же иллюстрируется сочетание, если несвободный компонент следует значительно ранее свободного по алфавиту, напр.: наименование *забурка крашенина* ‘сорт крашеного холста’ толкуется в статье *забурка*, потом в статье *крашенина* помещается соответствующая отсылка. При наличии большого количества членов гипонимических рядов (напр., в статье *грамота* 96 составных наименований с этим словом) эти составные наименования также определяются в статье на несвободный компонент (здесь — прилагательное) в целях полной и подробной семантической характеристики каждого такого наименования (т. е. *духовная грамота* в статье *духовный*, *ввозная грамота* — в статье *ввозной* и т. п., а на слово *грамота* помещаются соответствующие отсылки).

Встает и другая важная лексикографическая проблема — способ подачи и толкования составных наименований. Сама постановка этой проблемы обусловлена неопределенностью лингвистического статуса составных наименований (фразео-

логизм — коллокация — типовое свободное сочетание). Вопрос способа подачи заключается в выделении или невыделении таких сочетаний как устойчивых (в частности, как фразеологизмов), а вопрос толкования состоит в том, должны ли быть такие обороты представлены в виде списков сочетаний через запятую с обобщенным толкованием или в виде отдельных оборотов, каждый по возможности с толкованием.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (далее — СлРЯ XI–XVII) [15] такие сочетания подаются как устойчивые, в «Словаре русского языка XVIII в.» (далее — СРЯ XVIII) [16] описываются как свободные устойчивые сочетания слов, регулируемые значением слова, т. е. фактически как коллокации (ср.: «коллокации достаточно часто выступают в качестве важной и частотной единицы словаря» [4]).

В «Псковском областном словаре с историческими данными» (далее — ПОС) [17] и в СОРЯ в соответствии с классификацией фразеологизмов, предложенной Б. А. Лариным, в лексикографическом описании различаются три типа устойчивых оборотов в зависимости от степени семантической спаянности компонентов [18, с. 18–19]. Составные наименования — это обозначаемые знаком «угла» сочетания наименьшей семантической спаянности, выделяемые по критерию их устойчивости в тексте или семантического сдвига в одном из компонентов, фразеологизмы типа «открытый ряд». Описывая фразеологию обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв., Е. И. Зиновьева подчеркивает, что в памятниках XVI–XVII вв. «встречается большое количество устойчивых словосочетаний различных типов, многие из которых лишь условно можно назвать фразеологизмами в современном понимании этого термина» [19, с. 6].

Лексикографически составные наименования могут быть представлены в виде отдельных сочетаний, каждое по возможности с толкованием или в виде списков фразеологизмов через запятую с обобщенным толкованием или без него.

В СлРЯ XI–XVII сочетания такого типа традиционно подаются в виде списка с обобщенным толкованием, в котором, как правило, используются слова «разновидности», «различный», «определенный» и т. п., напр.: *серьги баусы, вареники, серовики* и др. 'серьги со вставками из различных драгоценных камней' (см. *баусь, вареникъ, серовик* и т. п.) [15, вып. 24, с. 94]. Указание на признак, по которому дается определение, позволяет понять значение всех или большинства сочетаний: *седло вьючное (ючное), домовое, ездовое* и др. 'разновидности седел для перевозки грузов или для верховой езды', *седло ослея (ослячье), верблюжье* 'разновидности седел для различных верховых животных', *седло братское, государево, гусарское, игуменское, людское, мирское, служнее, старческое* и др. 'разновидности седел для различных всадников', *седло барановое, бархатъ, берестяникъ, сафьянное, телятинное* 'разновидности седел, названные по материалу, из которого они сделаны или которым обтянуты', *седло кованное, золотое, подписанное красками* и др. — 'разновидности седел по характеру украшений на них', *седло бисюкарское, калмыцкое, крымское, черкасское* и др. 'разновидности седел по месту их изготовления' [15, вып. 24, с. 24–25]. В виде списков с обобщенным толкованием составные наименования описываются и в [12].

В СРЯ XVIII такие сочетания подаются списками, причем незавершенными с возможностью появления нового члена ряда: *главный, вышний, полковой, ротный... командир* [16, вып. 10, с. 13], «какое. В названиях древесных пород. *Дерево*

абрикосовое, бальзамовое, буковое, вербное, вязовое, гвоздичное, гороховое, гранатовое, кедровое, кокосовое, лавровое, миртовое, ольховое, пальмовое, терновое, туютовое, шелковичное...» [16, вып. 6, с. 101].

В ПОС при составных наименованиях ставится помета «с определением» (оформляется обычно как употребление или ставится при значении, а сами сочетания выводятся не всегда): напр., в словарной статье *дело* при значении ‘ремесло, род занятий’ стоит помета «с определением» (*гончарное дело, каменное дело*), как и перед значением ‘строительство’ (*полатное дело, мостовое дело, острожное дело*) [17, вып. 9, с. 15–16]. По отдельности в связи с определенной фрагментарностью диалектного материала и обозримым количеством сочетаний устойчивые адъективные сочетания подаются в других региональных исторических словарях.

В СОРЯ принято решение, с одной стороны, объединять такого рода фразеологические сочетания, предпосылая им общее употребление и демонстрируя системность, а с другой — показывать каждое из них, давая по возможности индивидуальное толкование и иллюстрируя собственными примерами. Напр., в статье *завод* в значении ‘что нажито, приобретено’ после употребления «с определением, указывающим на тип имущества» следуют каждое по отдельности со своими иллюстрациями и по необходимости с толкованием сочетания *завод крестьянский, завод монастырский, завод огородный, завод домашний (домовый)* и др., после употребления «с определением, указывающим на назначение производственного или иного оборудования» — оформленные знаком «угла» сочетания *завод варничный, завод кожевный, завод струговой, завод мельничный, завод друкарский* ‘оборудование для печатания книг, типографского дела’, *завод промышленный* ‘оборудование для промысла’, *заводы учужные* ‘оборудование для ловли рыбы сооружениями из бревен, перегораживающими реку’ и др., в значении ‘предприятие по добыче, изготовлению чего-л.’ после употребления «с определением, указывающим на специализацию предприятия» следуют отдельно описываемые сочетания *завод железный* ‘металлургическое предприятие’, *завод езовой* ‘предприятие по добыче рыбы’, *завод винокуренный (винный)* ‘предприятие, где изготавливают спирт, водку’ и т. п.

Каждый из подходов имеет свои преимущества и недостатки. При представлении в виде единого списка сохраняется системность в подаче фразеологических оборотов, экономится место, допускается возможность добавления нового члена этого ряда. Однако при этом приходится давать обобщенное, а не конкретные толкования, иллюстративный материал зачастую не может быть полностью продемонстрирован или трудно воспринимается единым массивом.

При толковании составных наименований также встает вопрос сочетания лингвистической и энциклопедической информации, так как указание только на дифференциальный признак в ряде случаев малоинформативно. Многие исторические словари включают элементы энциклопедизма при толковании составных наименований как специальных номенклатурных названий. В СОРЯ в ряде случаев дается энциклопедическая справка и иногда экстралингвистический комментарий. Так, элементы энциклопедизма всегда присутствуют в толковании обозначений географических объектов (см., напр.: *дорогобужский* ‘прил. к Дорогобуж (город на территории современной Смоленской области), в XVI–XVII вв. некоторое время находился в составе Великого княжества Литовского и Польши, окончательно отошел к России в 1667 г. по Андрусовскому перемирию’).

Нельзя не согласиться с авторами Сл. Промысл., что «промысловая и ремесленная терминология, восходящая по происхождению в большинстве своем к народно-разговорной лексике старорусского языка, представляет исключительный интерес» [10, вып. 1, с. 4]. Составные наименования — это действительно интересное лингвистическое явление, важный культурологический феномен и отчасти лексикографическая «загадка».

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Борисова Е. Г. Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых словосочетаний). М.: Филология, 1995. 148 с.
3. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре М.: Языки славянских культур, 2007. 672 с.
4. Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. От коллокаций к конструкциям. URL: http://www.webground.su/data/lit/pivovarova_yagunova/Ot_kollokatsiy_k_konstruksiyam.pdf (дата обращения: 15.07.2014).
5. Судаков Г. В. История русского слова. Вологда, 2010. 336 с.
6. Левашов Е. А. Словарь прилагательных от географических названий. М.: Русский язык, 1986. 252 с.
7. Генералова Е. В. Прилагательные, образованные от топонимов: проблема семантической и лексикографической информативности // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 6 / отв. ред. О. А. Черепанова. СПб., 2005. С. 41–51.
8. Просвирнина И. С. Составные наименования в русской топонимии. Екатеринбург, 1999. URL: <http://cheloveknauka.com/sostavnye-naimenovaniya-v-russkoj-toponimii> (дата обращения: 15.07.2014).
9. Материалы для терминологического словаря Древней Руси / сост. Г. Е. Кочин; под ред. акад. Б. Д. Грекова; Академия наук СССР. Ин-т истории. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937.
10. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / ред. Ю. И. Чайкина; сост. Е. Андреева, А. Баландина и др. Вып. 1. А—И. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003; Вып. 2. К—О. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.
11. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М.: Спарк, 2001.
12. Полякова Е. Н. Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII в: учеб. пособие. Пермь, 1972.
13. Щеглова Н. А. Технический словарь тульских оружейников XVII–XVIII вв. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аякс-Пресс, 2004.
14. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / под ред. О. С. Мжельской. Т. 1–5. СПб.: Наука, 2004–2012.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–29. М.: Наука, 1975–2011.
16. Словарь русского языка XVIII века. Т. 1–20. Л.; СПб.: Наука, 1984–2013.
17. Псковский областной словарь с историческими данными. Т. 1–23. Л.; СПб.: Изд-во СПбГУ, 1967–2012.
18. Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
19. Зиновьева Е. И. Очерки по фразеологии обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб.: Изд-во Осипова, 2012. 148 с.

Статья поступила в редакцию 9 августа 2014 г.

Контактная информация

Генералова Елена Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель;
elena-generalova@yandex.ru

Generalova Elena V. — Candidate of Philology, Senior lecturer; elena-generalova@yandex.ru